
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

MONGOLICA-III

Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX вв.

Составитель и автор предисловия И.В.Кульганек

Санкт-Петербург
Издательство "Фарн"

1994

"Монголика-III". — СПб., "Фарн", 1994. — с.96 с илл.

ISBN 5-900461-028-5

Сборник издан на средства фонда "Культурная инициатива"

Сборник, состоящий из двух частей: "Из истории российского монголоведения" и "Монголоведение сегодня", ставит своей целью заполнить многочисленные лакуны и восстановить "забытые страницы" целых периодов существования монголоведной науки. Главными источниками данного исследования явились архивные материалы, впервые введенные в научный оборот. Книга рассчитана как на профессионалов-монголоведов, так и на более широкий круг читателей публики, интересующейся историей культуры России.

Отв. редактор С.Г.Кляшторный

ISBN 5-900461-028-5

© Все авторские права сохранены. Перепечатка отдельных статей преследуется законом и разрешена только с согласия авторов.

© Издательство "Фарн", 1994.

© Виноградова Н.А. Оформление, 1994.

Содержание

Foreword	5
Предисловие	8
Из истории российского монголоведения	
В.Л.Успенский. Монголоведение в Казанской Духовной Академии	11
Е.М.Даревская. Англичанин из Лондона в ургинской школе	18
К.Н.Яцковская. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П.Шастиной (1898-1980)	23
Н.П.Шастина. Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе	26
Н.П.Шастина. Фрагменты статьи об аймачном храме "Орлуд"	28
И.И.Ломакина. В.А.Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе	35
В.М.Алпатов. Советское востоковедение в оценках Н.Поппе	38
Е.М.Даревская. Письма И.М.Майского А.В.Бурдукову	47
Н.А.Симукова. Имя А.Д.Симукова возвращается в науку	57
Список опубликованных работ А.Д.Симукова (на русском языке)	61
А.Симуков. Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и ее результатах	62
А.Симуков. Итоги работы Географического отделения Научно-Исследовательского Комитета МНР за 15 лет	64
Монголоведение сегодня	
Дмитриев С.В. Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики (I. Теб-Тенгри)	72
Ю.В.Кузьмин. Русско-монгольские отношения в 1911—1912 годах и позиция общественных кругов России	75
С.Кибирова. Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят и уйгуров	80
В.К.Шивлянова. Коллекция валиков Б.Я.Владимирцова в Пушкинском доме	86
Н.С.Яхонтова. "Краткое [изложение] "Ключа разума"	89

Е.М.Даревская

Письма И.М.Майского А.В.Бурдукову

В 1969 г. в Москве была издана книга Алексея Васильевича Бурдукова "В старой и новой Монголии" — его уникальные воспоминания о 30-летнем пребывании в этой стране и переписка с ее исследователями В.Л.Котвичем, Б.Я.Владимирцовым, Г.Н.Потаниным. Но в архиве Бурдукова сохранились письма и других исследователей, в частности Ивана Михайловича Майского. Имя этого выдающегося дипломата, блестящего публициста и мемуариста, ученого-историка, академика широко известно у нас и за рубежом. Предыстория его писем Бурдукову такова. Весной 1919г. Иркутская контора Центросоюза (Всероссийского центрального Союза потребительных обществ) предложила Майскому, экономисту по образованию (окончившему в 1912 г. в эмиграции экономический факультет Мюнхенского университета) возглавить небольшую краткосрочную экспедицию в Монголию перед предстоящей массовой закупкой там скота для выяснения возможностей и перспектив русско-монгольской торговли. Когда Майский приехал в Ургу, самобытность Монголии, ее народа очень заинтересовали его. Ознакомившись с литературой о Монголии и признав ее узкоспециальной и малодоступной для широкого круга читателей, Майский решил не ограничиться только экономикой, а создать комплексный научный труд о Монголии в общедоступной форме. Для этого надо было расширить программу и продлить время пребывания экспедиции в стране. После упорной борьбы Майский этого добился. В практическом осуществлении этого плана огромное содействие оказал А.В.Бурдуков, предложив экспедиции зазимовать на его заимке в Хангельцьке, где он обеспечил ее помещением, питанием, своей превосходной монголоведческой библиотекой, насчитывавшей до тысячи томов. "Найти такое тщательное подобранное книгохранилище в глуши монгольской степи было чудом", — писал Майский. — Эта библиотека имела тогда для меня огромную ценность". Кроме того Бурдуков, этот "настоящий самородок", предоставил Майскому свои широкие связи с монголами и "свое несравненное знание страны, населения и местных порядков", был постоянным консультантом и первым читателем его рукописи. Так отчет об экономической экспедиции Иркутской конторы Центросоюза, написанный в Хангельцьке, превратился в уникальную книгу "Современная Мон-

голия", в которой Майский дал комплексное научное описание страны, ярко и образно сумел "зарисовать на память человечеству эту старую Монголию еще такой, какой она была буквально накануне революции 1921 г. Эта книга, изданная в Иркутске в 1921 г., явилась первой советской книгой о Монголии и сейчас представляет важную веху в монголоведении". После возвращения на Родину, я никогда не терял связи с А.В.Бурдуковым, встречался с ним, обменивался дружескими письмами", — вспоминал Майский [1, сс.9-10; сс.22-25].

Эти письма за 1919-1933 гг. мы и публикуем. Они свидетельствуют не только о дружеских отношениях, но и многом другом: о роли Майского в работе Центросоюза в Монголии, в привлечении к ней опытных и честных сотрудников, прежде всего Бурдукова, в подробном информировании его из Сибири в 1920-1921гг. об экономическом, политическом и международном положении Советской России в больших письмах-обзорах и через высылку советских газет и брошюр. Личное и письменное общение с Майским, человеком широкой эрудиции и высокой культуры, оказало сильное влияние на общее развитие и политические взгляды Бурдукова [см.подробнее: 3, сс.8-21; 4, сс.187-217].

Письма Майского 1920 г. из Хангельцька и Иркутска представляют особенный интерес еще и потому, что в них кратко отражен важный и трудный период его политической биографии в 1917-1920 гг.: его "хождение по мукам" и

Заимка А.В.Бурдукова в Хангельцьке. 1919г.
(Из архива А.В.Бурдукова).

"смена веков" — разрыв с меньшевиками и переход на сторону большевиков и Советов. Подробную мотивировку этой "смены веков" Майский дал в своем письме из Иркутска от 12 октября 1920 г. в "Правду" и в своих мемуарах "Демократическая контрреволюция" (М. 1923). Это признание давало Майскому субъективное удовлетворение и самоутверждение, и в то же время могло облегчить подобный разрыв еще колеблющимся меньшевикам. Анализ Майского важен для Монголии 1920-1921 гг. и нынешней, для объективной оценки ее отношений с Россией.

Поэтому мы сочли необходимым привести здесь основные положения мотивировки Майского. "С ранней юности я был социал-демократом¹, всегда горячо стремился к уничтожению капитализма и к установлению ... социалистического хозяйства. Если в 1917-1918 гг. являлся противником большевиком, то это объясняется лишь моим убеждением в том, что ... Россия экономически и политически дозрела только ... до буржуазно-демократической республики и не больше". Вернувшись из эмиграции в Россию после Февральской революции, Майский занял должность товарища министра труда в третьем коалиционном составе Временного правительства во главе с трудовиком А.Ф. Керенским и большинством министров-социалистов (с июня 1917 г.). Напомним, что Временное правительство не решило два главных для народа вопроса — о мире и земле. Октябрь 1917 г., диктатуру пролетариата Майский не признал и после роспуска большевиками Учредительного собрания принял участие в Самарском Комитете Членом Учредительного собрания (Комуче) в должности министра труда (с 14 августа 1918 г.). Он был убежден в том, что в Учредительном собрании демократия представлена своими лучшими силами, что она настолько сильна и жизненна в России, что не реакция съест демократию, а наоборот, демократия съест реакцию. Но на деле реакция без остатка съела демократию, выдвинув против Советов — "коммунистической диктатуры" — диктатуру генеральскую, колчаковскую. Теперь борьба шла между советской властью, с одной стороны, и буржуазно-помещичьей реставрацией с ее монархической идеей, с другой. "Друг против друга стояли Ленин и Колчак. Между ними приходилось выбирать". Социалист Майский выбрал не Колчака. Он опроверг широко распространенные тогда, но ложные слухи о том, что он якобы был министром Директории и даже Колчака. Но сделав выбор, Майский сопоставил силы противоборствующих сторон: они казались несоизмеримыми. У большевиков летом 1918 г. и позже был десяток центральных губерний, без хлеба, без топлива, без железа, без выхода к морю. Государственного аппарата еще не существовало. Армии в подлинном смысле слова еще не было. В стране царил голод и холод, а внутренняя контрреволюция каждодневно грозила ударом с тыла. У их противников были ресурсы трех четвертей России, хлеб, уголь, железо, морские пути сообщения. На них работали вековые традиции прошлого. На их стороне был весь капиталистический мир со всем могуществом своих материальных, военных и идеологических ресурсов. "Кто мог при таких условиях сомневаться, что контрреволюция одержит полную победу над советской властью? ... Так в начале 1919 г. казалось мне", — писал Майский. Чтобы разобраться в этих тяжелых сомнениях он ощущал острую потребность в известном уединении. Судьба улыбнулась ему: Центросоюз предложил ему возглавить экспедицию в Монголию. Когда Майский был в Монголии, гражданская война в России еще не закончилась, еще Деникин на юге и Юденич на северо-западе одерживали крупные успехи. "Однако уже и тогда было видно, что диктатура Колчака клонится к быстрому упадку, а Красная Армия неудержимо вливается в Сибирь... Во всяком случае ясно было одно: Советская Россия, несмотря на свое отчаянное внутреннее и внешнее положение, находила в себе колоссальный источник для борьбы не только с русской, но и с международной контрреволюцией... Невольно рождался вопрос: откуда эти силы?" Майский много раздумывал над этим вопросом и в конце

1919 г. В Монголии — "в полупервобытной обстановке Центральной Азии, среди пустынных гор и широких степей, всегда верхом на коне" он, "додумав до конца" эти мучительные мысли, писал: "Очевидно, большевикам удалось нащупать в народной толчею какую-то могучую жизненную струю, которая давала им столь поразительные крепость и упорство. Очевидно, та социалистическая революция, которую осуществляла "коммунистическая диктатура" имеет под собой какую-то реальную почву, она отвечает каким-то очень важным и серьезным интересам трудящихся, несмотря ни на холод, ни на голод, ни на кровь, ни на разорение и весь ужас гражданской войны... Но если социалистическая революция оказывалась не бессмысленной утопией, а исторически правомерным актом, ... то каков бы ни был конечный исход революции, долг каждого искреннего социалиста связать свою судьбу, с судьбой этой революции" [5, с. 4; 6, с. 7]. И социалист Майский так и поступил, вернувшись из Монголии в Иркутск и тепло вспоминая о Хангельцыке, где он "передумал и перечувствовал так много важного, высокого и прекрасного". В противовес хулителю Октября 1917 г. уместно привести мудрый отзыв вовсе не социалиста, а эмигранта князя Сергея Михайловича Волконского (внука декабриста), человека высокой культуры и "редкостной способности к здравому суждению": "Не будем останавливаться на том, нужна ли была революция или не нужна. Что за праздные разговоры... Нужна или не нужна, а революция была. Была, и кончено. Думаю, была потому, что не могла не быть" [7, Цит. по: 8].

Находясь в Сибири в 1920-1922 г. Майский опубликовал не только книгу "Современная Монголия", но и статьи: "Экономика Монголии", "Социальное строение Внешней Монголии", "Монголия", "Суд над Унгерном" и др.² Интерес к Монголии Майский сохранил и после отъезда из Сибири и на дипломатической работе за рубежом: он дополнял и уточнял свою "Современную Монголию", а Бурдуков высылал ему новинки монголоведения в Хельсинки и в Лондон.

В письмах Майского из Сибири есть краткие, но ценные и мало освещенные в литературе и мемуарах сведения о его деятельности в должностях заведующего экономическим отделом Сибревкома (2.II.—21.VII.1921 г.) и первого председателя Сибгосплана (21.VII.1921 г. — 1922 г.) в труднейшие годы перехода России "из военного лагеря в хозяйственный муравейник" (выражение Майского).

Считаю своим долгом с глубокой благодарностью отметить большую роль Таисии Алексеевны Бурдуковой в подготовке этой публикации: в предоставлении копий писем И.М. Майского и А.В. Бурдукова, расшифровке инициалов и фамилий упомянутых в письмах лиц и т.п. В текстах некоторых писем нами сделаны небольшие и несущественные купюры сугубо личного характера.

Семья Бурдуковых. (Из архива А.В. Бурдукова)

Письма Ивана Михайловича Майского Алексею Васильевичу Бурдукову

№ 1. Телеграмма

Кобдо Бурдукову
Из Урги № 62 29.VII.1919 г. Вторично.

Экспедиция Всероссийского центрального союза потребительского общества выезжает 11 июля Урги маршрутом Заин-аби Косогол Улясутай Кобдо. Задача экспедиции экономическое обследование Монголии. Очень хотели бы повидаться Вами. Рассчитываем быть в Арчелочике середине сентября
Заведующий экспедицией Ляховецкий.

№ 2. Хангельцык 7/IV.20.¹

Многоуважаемый Алексей Васильевич!

Посылаю Вам с этим письмом две мои книги² и одновременно прошу у Вас извинения за ту невольную ложь, которую я допустил при первом нашем знакомстве в Улясутае. Если Вы припомните, на Ваше упоминание во время первого моего визита к Вам о том, что, по словам Гробера³, научной экспедицией Центросоюза должен руководить Майский, я ответил, что действительно так вначале предполагалось, но что потом Майский был лишен возможности выехать в Монголию и его заменил Ляховецкий. Как видите теперь, Майский и Ляховецкий — одно и то же лицо и, если я не сообщил Вам об этом при нашем первом свидании, то к тому имел достаточно веские причины.

Дело было в следующем. За время революции мне приходилось не раз бывать в очень ответственных положениях и занимать разные "высокие посты". Не останавливаясь на деталях, скажу только, что во времена Керенского я был товарищем министра труда, а потом, в конце 1918 года министром труда Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самарского правительства). Когда образовалась Директория, она предлагала мне занять у нее также пост министра труда, но мне очень не нравилось то, что делалось в Омске, и я отказался. После низвержения Директории и воцарения Колчака начались репрессии по отношению к левым элементам вообще, а к членам бывшего Комитета Членов ВУС в особенности. Мне удалось избежать ареста, но я вынужден был перейти на нелегальное положение. Так и я прожил зиму 1918/19 г. А весной того же года Центросоюз предложил мне отправиться в Монголию, и я охотно пошел ему навстречу⁴. Так как в политике и литературе я известен под псевдонимом Майского, то, отправляясь в Монголию еще при господстве Колчака, я решил фигурировать здесь под моей настоящей фамилией Ляховецкого, которая мало кому известна. Гробер же по оплошности (он в Хагхыле мне в этом признался) назвал Вам мой псевдоним. Не имея достаточно ясного представления о Вас в начале нашего знакомства, я не мог, конечно, сразу раскрывать свои карты. И потому, когда осенью в Улясутае Вы спросили меня о Майском, мне волей неволей пришлось прибегнуть к сокрытию истины. Я рад, что сейчас имеют возможность сказать Вам откровенно, кто я такой.

Теперь позвольте на другую тему. Дополнение к телеграмме № 828 также мало способно сдвинуть меня с места, как и сама телеграмма, хотя тут замешана политика, но из "дополнения" я все-таки не вижу, чтобы мне было необходимо ехать немедленно же. Ввиду этого я пока продолжаю писать свою книгу, которая, к слову, уже сильно продвинулась вперед. Вообще извлечь меня из Хангельцыка раньше окончания книги — задача мудреная, разве уж случится что-нибудь экстраординарное. 23.III я отправил Вам с Киселевым через Кобдо письмо (получили ли?), — в нем между прочим была телеграмма

следующего содержания: "Иркутск, Центросоюз. Мясобюро. — Выеду получения серебра Ляховецкий. 79". Если почему-либо эта телеграмма Вами еще не отправлена, отправьте ее сейчас. Больше к ней мне нечего прибавить. Телеграмма эта больше для успокоения нервов моих иркутских товарищей, выезжать же я собираюсь, как и раньше Вам писал, в конце мая — начале июня по новому стилю.⁵
(Конец письма утерян).

№ 3. Иркутск, 28.X.20

Многоуважаемый Алексей Васильевич!

Пользуюсь свободным часом и подвернувшейся попутной оказией¹ для того, чтобы черкнуть Вам несколько подробнее о наших здешних делах.

Прежде всего о политическом положении. На западе становится легче: прелиминарный мир с Польшей вступил в силу, и военные действия там прекращены, но надо быть на чеку, ибо в любой момент мир может быть сорван. Врангеля теснят и, видимо, в течение ближайших месяцев с ним будет покончено. На востоке дела складываются тоже довольно благополучно: Чита взята красными партизанами, семеновцы и каппелевцы частью разбиты, частью эвакуировались, сам Семенов, улетевший было из Читы на аэроплане, попал в плен. В Чите сейчас происходит конференция представителей 4 дальневосточных правительств — Верхнеудинского, Читинского, Владивостокского и Амурского, на которой должен быть решен вопрос о сконструировании единой для всего Дальнего Востока власти. Надо думать, сговорятся. Японцы держатся пассивно, семеновцам не помогают, из Благовещенска, Хабаровска и др. городов войска свои уводят. В близком будущем ожидают восстановления ж.-д. сообщения Иркутск-Владивосток. Кстати: граница между Советской Россией и Дальне-Восточной Республикой проходит по Селенге. К важным политическим событиям необходимо еще причислить широкое забастовочное движение в Англии (участвует свыше 3 млн. человек, в том числе все углекопы), принимающее местами характер бурных взрывов и демонстраций. По-видимому, положение лондонского правительства очень тяжелое.

От политики перейду к экономике. Прежде всего продовольствие. Здесь дело обстоит неважно: город сильно голодает. Нынешний месяц, напр., население получило по 25 фунтов муки на трудящегося и по 18 1/2 фунтов на нетрудящегося, по 2 фунта соли и по 1/8 кирпича чая на человека. Это все. Остальные продукты жители добывают разными способами, в том числе и путем тайной торговли. Пока питаются овощами, главным образом картошкой. Мяса почти не приходится видеть (мясо ест армия, да некоторые категории рабочих, как жел.-дорожники и углекопы). Обедают большей частью в общественных столовых, дома мало кто готовит ввиду недостатка дров. В столовых обычно дают два блюда — суп с картошкой и кашу или вареный картофель. Количество достаточное, но надоедает однообразие стола.

Много беспокойства и населению и власти доставляют продовольств. перспективы на зиму. В Европейской России нынче сильный неурожай, в Сибири несколько лучше, но тоже не очень блестяще. Необходимо во что бы то ни стало собрать известное количество хлеба для продовольствия армии и городов до нового урожая. Для этой цели проводится принудительная разверстка хлеба среди сельского населения, т.е. реквизируются все излишки зерна, которым оно располагает. Каждой крестьянской семье оставляется на год 13 пудов хлеба на едока, плюс необходимое количество зерна на обсеменение и на корм скоту, все остальное считается

излишками и отбирается. По приблизительным подсчетам население Иркутской губ. должно сдать в казну 15-20% нынешнего урожая. За хлеб оно получает от казны некоторое количество мануфактуры (примерно около 2 аршин на душу), остальное деньгами по твердым ценам. По выполнению разверстки крестьяне могут продавать хлеб по вольным ценам (ведь часть хлеба несомненно будет утаена). Как видите, разверстка довольно суровая вещь, и на этой почве возможны известные волнения в деревне, но другого способа получить хлеб, к сожалению, нет. Купить хлеб государство сейчас не может за отсутствием достаточного количества товаров.

Далее промышленность. Налаживается она пока довольно слабо и — по разным причинам: нет рабочих (много мобилизовано в армию, много разошлось по деревням в поисках за хлебом), нет машин, нет достаточной производительности труда, главным образом, ввиду плохого питания пролетариата. Но все-таки кое-что делается, кое-где замечается несомненный прогресс. Особенное значение сейчас приобретает внешняя торговля. Для руководства ею создан Народный Комиссариат Внешней Торговли, ибо некоторые коммерческие сношения с границей уже начались через Эстонию и Латвию. Основная линия, намеченная правительством в сфере внешней торговли сводится к тому, чтобы ввозить в Россию не предметы потребления, а орудия производства (машины, с/х. орудия и т.п.), в какой мере удастся это осуществить на практике, покажет будущее. Между прочим, мясные заготовки в Монголии теперь тоже отнесены к компетенции Нар.Ком.Внеш.Торг., но фактически они, вероятно, останутся в руках Центросоюза, выступающего в качестве контрагента НКРТ.

Что касается ЦС², то он начинает уже готовиться к будущему сезону. Ценности имеют довольно значительные. Я делал доклад в собрании ответственных работников Иркутской конторы о реформах, которые необходимо произвести в организации всего закупочного дела (Вы знаете мои взгляды на этот предмет) — моя точка зрения в общем была принята, и на днях мы приступаем к выработке практического плана работы на будущий год. В основу плана кладется: централизация всего дела закупок в одних руках, сокращение штата служащих и подбор честных людей на все ответственные должности. Настроение таково: лучше послать меньше закупочных отрядов, но иметь в них везде надежный народ. В связи со всеми этими проектами я выдвинул Вашу кандидатуру для работы в будущем сезоне, возможно поэтому, что Вы скоро получите приглашение приехать в Иркутск для переговоров. Надеюсь, Вы не изменили своих намерений и не откажетесь побывать в здешних краях. Рассказам о всяких ужасах, якобы свирепствующих в Советск[ой] России, Вы не очень верьте, — преувеличений масса, — запаситесь только продовольствием, лучше всего маслом, сухарями и сушеным мясом (те несколько фунтов сушеного мяса, которые я захватил в Хангельцыке, мне очень пригодились), впрочем, можно взять и мороженое мясо, хотя оно более громоздко.

Мои личные дела пока складываются хорошо. Издание книги я устроил, печататься она будет в Иркутске, сдал уже для набора таблицы Приложений³. Бумагу достали из Верхнеудинска. Боюсь только, что книга моя появится в свет не раньше полугода, т.к. благодаря всяческой разрухе дело издания может подвигаться лишь очень медленно. Но что делать, — таковы уж условия.

Дождаться появления книги в Иркутске я не буду, недели через 3-4, т.е. во второй половине ноября, вероятно, двинусь в Москву. Что там буду делать, как устроюсь, пока еще не знаю. На месте виднее будет. Политические настроения мои несколько не изменились, наоборот, еще более окрепли, — стало быть, работа найдется.

Надо кончать. Еще одно слово. Часто, очень часто я вспоминаю Хангельцык и проведенную там зиму. Часто встают передо мной остроконечный Цаган-Хаирхан, узкая и глубокая долина у его подножья и маленькая старая заимка в устье долины, на мысу меж двух горных потоков, где я передумал и перечувствовал так много важного, высокого и прекрасного. Жизнь каждого человека похожа на книгу, в которой есть разные страницы: веселые и грустные, хорошие и дурные. Когда я оглядываюсь на свою жизнь, я, положив руку на сердце, могу сказать, что монгольская страница в ней — одна из лучших. А ведь эта страница в моем сознании неразрывно связана с Хангельцыком и его заимкой.

Пока до свидания. Сердечный привет всей Вашей семье и М.Д., а также Татьяне Георгиевне⁴, черкну ей как-нибудь на днях несколько строк.

Пишите мне на адрес Ц.С. в Иркутск, — мне перешлют.

Крепко жму Вашу руку

Ваш Ив. Мих.

P.S. Деньги потеряли почти всякую ценность. В вольной продаже 1 фунт мяса стоит 1200—1500 рублей, 1 четверть молока — 6-7.000 рублей, 1 пуд муки — 15.000 рубл. и т.д. На днях я заказал себе костюм из привезенного из Монголии материала, — работа стоит 25.000 рубл. Таковы цены в Иркутске (в Омске ниже, в маленькой провинции еще дешевле). Торговля идет фактически на обмен (особенно на мануфактуру и нитки), причем деревня забирает у города все наиболее ценное. Будет только справедливо, если крестьянство в порядке разверстки вернет городу хотя бы часть того, что оно от него получило, по самым невыгодным для города ценам.

9. XI.

Моя оказия задержалась, прибавлю еще несколько слов. На фронте успехи, красные вошли уже в Крым, Врангель скоро будет ликвидирован. На Востоке устанавливается власть Д.-В. Республики (демократич.)

Центросоюз в будущем сезоне по всем данным будет работать в Монголии. Моя схема организации закупочного аппарата (без районных контор) принята. На днях будем обсуждать личный состав отрядов. Решено произвести основательную чистку. Будем говорить о Вас в связи с работами будущего лета.

Вопрос с почтой Хатхыл-Улясутай разрешен благополучно, Ц.С. берет расходы на себя.⁵

В конце этого месяца, должно быть, уеду из Иркутска, — зовут меня в Омск и Москву. Куда поеду на постоянное жительство, еще не знаю, но в Москве-то во всяком случае побываю.

Пока всего лучшего.

Ваш И.М.

№ 4. Иркутск, 2. XII. 20 г.

Многоуважаемый Алексей Васильевич!

Пользуюсь оказией, завтра отправляющейся в Монголию, чтобы черкнуть Вам несколько слов и послать газеты. Авось рано или поздно моя посылка дойдет до Вас. По себе знаю, как жадно ловишь в глубине Монголии всякие вести из России, — не хочу поэтому пропускать удобного случая¹.

Как видите, я еще в Иркутске, но доживаю здесь последние дни. Судьба моя в России пока складывалась очень благоприятно. Правда, приходится немножко голодно, но ведь "не хлебом единым жив бывает человек". За время пребывания в Иркутске я получил несколько весьма лестных предложений в Москву, Омск, на Восток и т.д., но решил ехать в Омск (по крайней мере до весны), ибо из всех предложений омское показалось мне наиболее

симпатичным. Вот туда-то я и отправляюсь не позже, как через неделю. Буду в Омске заведовать Экономич[еским] отделом Сибревкома (Сиб. Революц. Комитета), — пост-что-то вроде министерского в сибирском масштабе, — видно, мне на роду написано быть министром! — а работа такая, какую я сам создам. Дело в том, что Экон. Отдела при Сибревкоме пока фактически не существует, и я должен строить его по своему усмотрению. Буду, поскольку возможно, руководить экономич[еской] политикой Сибревкома, составлять государственную роспись народного хозяйства Сибири (т.е. смету потребностей страны в области с.х., промышленности, продовольствия и пр. и план удовлетворения этих потребностей) и заниматься обследованием Сибири под углом зрения использования ее богатств. Работа обещает быть очень интересной и увлекательной, и я только боюсь, что не найду достаточного количества опытных сотрудников. Впрочем, поживем — увидим.

Книга моя о Монголии печатается в Иркутске, но не думаю, чтобы она вышла в свет раньше март-апреля: уж очень много технических затруднений. Надеюсь, что удастся ее иллюстрировать. Вам, конечно, пришлю экземпляр, когда печатание закончится².

Получил на днях письмо от матери, — вся наша семья жива и здорова, но зато раскидана по всем концам России: кто в Москве, кто в Харькове, кто на Дону, кто в Архангельске, кто в Туруханском крае. Это — не считая меня³.

От новостей личного характера перейду к новостям общественным. Война, видимо, кончается, по крайней мере, на время. С Польшей заключили мир, Врангель разбит вдребезги и бежал, а Крым занят красными, Петлюра и Балахович уничтожены, остатки семеновцев и каппелевцев почти ликвидированы. С Владивостоком восстановлено сообщение пока через Благовещенск, но скоро будет восстановлено и через Харбин. Америка заключила с Советской Россией договор об аренде Камчатки, чем очень недовольны японцы. Англия, Бельгия и даже Франция на этот раз как будто бы всерьез готовятся вступить в торговые сношения с нами. В Дальне-Восточной Республике сформировалось леводемократическое правительство, дружественное Сов[етской] России, и пока что японцы мирятся с этим фактом (их отряды имеются еще в Приморской области, остальные места — эвакуированы). Таким образом, наступающий 1921 г. мы будем встречать в значительно более спокойной обстановке, чем встречали его предшественника. Но, конечно, ни от чего зарекаться нельзя, и все время надо быть начеку.

Внутреннее положение тяжелое. За эти три года народ страшно изголодался, обносился и часто нуждается в самом необходимом. При таких условиях веселых настроений в стране, разумеется, не может быть. Все изнервничались, озлобились, погружены с головой в заботы о хлебе насущном, но все, даже реакционеры, чувствуют, что другой власти сейчас быть не может. И потому нынешняя власть прочна, и ни японцы, ни Михаил Романов ей не страшны. В разных местах Сибири вспыхивают в настоящее время отдельные восстания на почве сбора хлеба и др. продуктов среди крестьян для государственных нужд, но сколько-нибудь серьезной опасности они не представляют. По общим отзывам в Европейской России, особенно в Москве, положение, даже продовольственное, значительно лучше, чем в Сибири: это объясняется тем, что там за 3 года советский аппарат уже известным образом настроился, а в Сибири он находится еще в первичной стадии развития. Большие усилия прилагаются сейчас к налаживанию промышленности, — в качестве одной из мер поощрения рабочих применяется премиальная оплата труда продуктами продовольствия, — но дело серьезно тормозится изношенностью оборудова-

ния. В общем положение, хотя и тяжелое, но не безнадежное.

Центросоюз в 1921 году в Монголии работать будет, но не под контролем Губерн[ского] продов[ольственного] комитета, а под руководством вновь образованного Нар[одного] Ком[иссариата] Внешней Торговли. Ценности (чай, серебро, мануфактура) имеются уже сейчас и в довольно значительном размере. Схема организации закупочн[ого] аппарата принята моя, с некоторыми несущественными изменениями. Надеются нынче не запоздать, если только белогвардейцы в самой Монголии не помешают. Решено также радикально почистить личный состав служащих.

О событиях в Ханге и Хатхыле не пишу, Вы, вероятно, осведомлены о них лучше, чем мы⁴.

Пока всего хорошего. Сердечный привет всей Вашей семье, М.Д. и обитателям заимки в Хангельцыке. Давайте знать о себе. Пишите на Иркутскую контору Ц.С. — мне перешлют.

Жму руку

Ваш И.Л.

P.S. Юрганова с мужем — в Омске, Вяткин заведует информ. отделом в Губпродкоме, а его жена работает по народному образованию. Живы, здоровы, хотя весной он месяца 3 отсидел в тюрьме⁵.

P.P.S. Какие бывают курьезы в наше время. Помните, в ноябре прошлого года, когда вы уезжали из Хангельцыка в Улясутай, я дал Вам пакет для отправки в Ирк[утскую] контору ЦС? В пакете этом был план работы ЦС в Монголии в сезоне 1920 г. Представьте, мой пакет был получен в Иркутске только теперь, при мне, 25 ноября 1920 г. От Хангельцыка до Иркутска он путешествовал ровно год! Но все-таки дошел.

3. XII. 20

Сегодня, А.В., на заседании Администр[ативной] Коллегии Ирк[утской] конторы ЦС, было решено предложить Вам вступить в ряды работников ЦС в Монголии. В соответствии с этим одновременно с настоящим письмом Вам отправляется официальное сообщение от Ирк[утской] конторы. Пока Вам предлагается занять место заведующего агентурой ЦС в Улясутае⁶, но в дальнейшем возможны и иные комбинации. В пояснение этого предложения считаю необходимым сообщить Вам некоторые сведения о той системе организации закупочного аппарата, которая принята на 1921 г. Районные конторы уничтожаются. Центр, руководящий всеми заготовками в Монголии, остается в Иркутске (в этом отношении я должен был сделать уступку против моего первоначального проекта, т.к. мне были предоставлены достаточно веские соображения в пользу руководства монгольскими операциями из Иркутска; к тому же теперь в Иркутске имеется уже несколько человек — Гробер, Емелин, Бем и др., знакомых с Монголией по опыту. В наиболее важных пунктах расставляются закупочные отряды, которые в случае надобности могут посылать агентов и палатки в районе своей деятельности. Если покупки можно будет производить во всей Монголии, то отряды предполагаются в Урге, Ван-Курене, Мурын-курене (или Хатхыле), Улясутае, Улангоме или Бекоморине. Кроме того, в Урге, Улясутае и Кобдо должны существовать постоянные представительства ЦС для торгово-транспортных операций и сношений с властями. В Кяхт[инском] Маймачене, Желтуре, Хатхыле, Ханге, Кош-Агаче — хозяйственные пункты для транспортировки людей, ценностей и пр. в Монголию и скота и сырья — из Монголии. Отряды подотчетны непосредственно Иркутску. В Улясутае и Урге постоянная агентура ЦС одновременно организует и закупку скота, формирует отряды и пр. Если в 1921 г. по политическим причинам

не удастся развернуть операции во всей Монголии, ограничимся теми частями ее, где закупка будет возможна. Тогда число отрядов сократится.

Такова в основных чертах принятая схема. Как видите, пока наиболее удобное и подходящее для Вас место в намеченной организации — роль представителя ЦС в Улясутае, т.к. в Иркутск Вы, очевидно, не переедете. В дальнейшем, впрочем, возможны некоторые изменения принятой схемы, — тогда и для Вас, б.м., найдется иного рода работа.

Штат служащих ЦС в Монголии решено распустить и производить набор новых работников, т.ч. для улясутайского отряда Вы можете подобрать подходящих лиц по своему усмотрению. Было бы чрезвычайно желательно, чтобы Вы помогли ЦС в вербовке штата и для др[угих] отрядов, указанием честных и пригодных лиц из числа так наз. "монголистов"⁷.

Было бы очень хорошо, если бы Вы могли приехать в Иркутск для знакомства с руководителями Ирконторы и для обсуждения всех вопросов, связанных с монгольскими операциями, — к сожалению, однако положение в Монголии сейчас таково, что приезд Ваш в ближайшее время является едва ли возможным. Приходится поэтому ограничиваться пока письменными сношениями.

Я знаю, А.В., что у Вас были сомнения относительно того, сможете ли вы начать работу в ЦС в 1921 г., до окончательной ликвидации Вашего дела. Я очень настаивал бы на том, чтобы Вы нашли возможным начать работу теперь же. ЦС имеет искреннее желание наладить свою деятельность в Монголии по-хорошему, — беда за людьми. Было бы поэтому крайне важно, чтобы на таком ответственном посту, как улясутайское представительство, с самого начала оказался вполне достойный человек. Постарайтесь устроить свои личные дела так, чтобы Вы могли взяться за работу в предстоящем сезоне.

Еще одно. Возможно, что до Вас дойдут слухи через Гая, Винтовкина и др.; будто бы Нарком Внеш[ней] Торг[овли] хочет поручить заготовки скота и сырья в Монголии частным скотопромышленникам (у меня есть некоторые основания полагать, что такие слухи будут распространяться), — не верьте этим рассказам. Сибирский руководитель Нарком Внешторг решительно против передачи заготовок в частные руки (Монголия относится к сфере его компетенции), а затем решение вопроса о том, кому закупать в Монголии, не в последней степени будет зависеть и от меня, как руководителя Эконом.Отдела Сибревкома. Я же, конечно, не стану поддерживать частный капитал против ЦС⁸.

С китайцами отношения в 1921 г., надо думать, будут лучше, чем в 1920 г. (Китай сейчас усиленно заигрывает с Сов.Россией и Д.В.Республикой), и препятствовать нам они не будут. Старых консулов тоже, если не ошибаюсь, больше нет. Если не помешают белогвардейские отряды, работу, думаю, можно будет развернуть недурно⁹. Основной операцией в 1921 г. предполагается закупка скота, но постепенно будет делаться переход также к заготовке сырья, особенно шерсти, овчины, кож и т.д., а в связи с этим и к созданию постоянной организации ЦС в Монголии.

Вот пока и все, что я Вам хотел сообщить. Итак, надеюсь увидеть Вас в 1921 г. в рядах работников ЦС. Еще раз всякого благополучия.

Ваш И.Л.

P.S. Одновременно посылаю кипу газет и брошюр.

№ 5 [бланк] Председателю Сибирской Государственной Общеплановой Комиссии

Н.-Николаевск. 28.XII-21 г.

Многоуважаемый Алексей Васильевич!

Давно получил Ваше обстоятельное письмо из Хатхыла с описанием всех Ваших злоключений за пос-

ледний год, давно собирался Вам ответить, да все не мог найти свободной минутки. Не свободен я и сейчас — пишу эти строки на заседании Сибревкома, — но услышал, что Вы уже в Иркутске, и невольно захотелось перекинуться с Вами парой слов.

Меньше 1 1/2 лет прошло с тех пор, как мы прощались в Вами на горке в Хангельцыке — помните, был такой ясный, хороший день? — а как много воды с тех пор утекло? Как изменилась за эти 17 месяцев обстановка в Монголии! Тихая Монголия... Забытая богом и людьми страна... Она перестала быть таковой. Она втянута в водоворот мировых событий. Старая Монголия умерла, скорее даже, чем я предполагал, а новая только нарождается, и какова она будет, пока еще трудно сказать. Поживем — увидим.

С огромным интересом читал я ваше письмо. Хватили Вы горя! Надеюсь, что теперь вы и ваша семья несколько отдохнули. У нас, в советской республике много недостатков, но все-таки у нас есть порядок и есть власть. И жить здесь можно спокойнее. Спасибо за сведения о знакомых людях, жаль только, что это большею частью некрологи. Неужели Аркадий Алексеевич так-таки погиб? Где Татьяна Георгиевна с ребятишками? Как им живется? Смертельно жаль, что сгорела ваша заимка, — у меня с ней связано так много хороших воспоминаний. Я там не даром прожил 9 месяцев. А ваша библиотека? Тоже сожжена или расхищена?¹

С большим удовольствием повидался бы с вами и поговорил вволю о прошлом, настоящем и будущем. К сожалению, сейчас это едва ли удастся. Около 20 января я еду в Москву и вернусь в Сибирь не раньше марта². Ну, да авось еще встретимся.

Пока всего лучшего. Сердечный привет вашей семье. Где она сейчас устроилась? Каковы вообще ваши планы на будущее?

Пишите.

Жму крепко руку.

Ваш И.Майский.

№ 6 [бланк] Ленинградское отделение Государственного издательства.

"Звезда". Литературно-общественный и научно-популярный журнал.

Ленинград. 8 июня 1924 г.

Дорогой Алексей Васильевич!

Пользуюсь случаем и пишу Вам несколько слов. Мария Федоровна¹ едет в Монголию, — как я желал бы быть на ее месте! Не знаю почему именно в этом году, но только меня сейчас страшно тянет в степи, в горы, в пустынные места. Должно быть, стосковался в городской, да к тому же еще столичной обстановке. Каждый, кто однажды побывал в Центр[альной] Азии (а может быть вообще в пустынях и степях), уносит в душе своей отраву. И эта отраву временами начинает сильно действовать. И вот такой момент теперь переживаю я...

К сожалению, нынче в Монголию никак не попаду. До середины июля остаюсь в Ленинграде, а потом поеду на месяц либо на Волгу, либо на Кавказ, — еще не решил окончательно. Занят очень много. Кроме редактирования "Звезды", первые два №№ которой посылаю Вам с М.Ф., на мне целая куча иных партийных и литературных дел. Иногда тяжело, но все-таки справляюсь. Посылаю Вам также мою недавно вышедшую книжечку о Германии². ...

А Вы как? Закупаете скот? Торгуете? Сколько предполагаете нынче заготовить? Есть ли средства? Чем кончились Ваши московские переговоры³? В каких отношениях Центросоюз и Внешторг? Какие вообще перспективы русской торговли в Монголии? Очень ли сильны китайцы? Растет ли монгольская кооперация? Помогаем ли мы ей⁴? Каковы вообще настроения в Монголии в связи со смертью Богдо и намеча-

ощимся провозглашением республики? Пишите обо всем, меня это интересует.

В общеполитическом смысле у нас спокойно. Никаких острых внешних конфликтов на ближайшее время не предвидится, урожай обещает быть не ниже среднего. Стало быть, проживем.

Пока до свидания. Привет вашей жене и ребятам, если они с Вами. Где Михаил Нилович?⁵

Крепко жму руку. Ваш И. Майский.

Адрес мой — в заголовке (ред. "Звезда").

№ 7. 19/X-27. Ачинск. [Открытка].

Привет вам, дорогой А. В., с дальнего пути! Едем, едем — в Японию. По дороге все знакомые места, встают разные воспоминания... Поклон Вашей семье.

Жму руку. Ваш И. Майский!

№ 8. [Открытка] Москва 1/V-29 г.

Дорогой Алексей Васильевич!

Около 16/V выезжаю из Москвы в Финляндию, куда назначен полпредом¹. По дороге остановлюсь в Ленинграде на пару дней — тогда увидимся и потолкуем. ... Привет семье. Жму руку.

Ваш И. Майский

№ 9. [Открытка]. Москва. 30/X-31 г.

Дорогой Алексей Васильевич!

Рассчитываю выехать из Москвы 9/XI, — стало быть, встретиться сможем 10/XI. Не откажите к этому времени подготовить все материалы¹: т. к. 11/XI я, вероятно, уже выеду дальше... До скорого свидания.

Ваш И. Майский.

№ 10 [бланк] Полномочное представительство СССР в Великобритании

Лондон, 24. 1. 33.

Дорогой Алексей Васильевич!

Был рад получить весточку от Вас. Нехорошо только, что она проникнута какой-то неуверенностью и беспокойством за свое будущее. Понимаю, что осенняя история в Институте Вас несколько обескуражила, но мало ли какие недоразумения бывают. Я полагаю, что теперь недоразумение ликвидировано, и Вы можете спокойно работать. Неувязки со словарями, конечно, неприятны, но сейчас вообще с изданием книг большие трудности. Несколько позже будет легче. Словарь же такая вещь, что от задержки в выпуске не страдает. Словарь Рамстедта вышлю Вам, как только он выйдет, но пока его еще нет в продаже¹. Ваши планы насчет Академии наук не плохи, но это не исключает и работы в других областях. Во всяком случае имейте в виду, что в случае надобности я охотно окажу Вам содействие чем могу.

Живем мы здесь пока не плохо. У меня много работы, весьма сложной и капризной, но интересной. Агния тоже имеет свои задачи и не без пользы проводит время в Англии². Вот уже конец января, уже весна близится, но пока еще не знаю, когда удастся вырваться в отпуск. Проводить отпуск во всяком случае буду в СССР, — может быть тогда и увидимся.

Пока до свидания. Сердечный привет всей Вашей семье от меня и жены. Крепко жму руку. Давайте знать о себе.

И. Майский.

P. S. Книга моя находится в процессе издания³.

Примечания

1 И. М. Майский вступил в революционное движение 15-летним гимназистом в Омске; в 1902 г. за активное участие в студенческом движении в Петербургском университете был выслан в Омск; в революционном 1905 г., был членом Совета рабочих депутатов и боевых дружин в Саратове, за что был сослан в Тобольскую губернию. В середине 1908 г. он бежал за границу, в Германии (1908-1912 гг.) и Англии

(1913-1917 гг.) участвовал в социал-демократическом движении и изучал его теорию и практику.

2 Народное хозяйство. — 1921. — № 1-2, — С. 234-341; 1922. — № 1, — С. 154-183; Народы Дальнего Востока, — 1921. — № 1, — С. 43-54; Жизнь национальностей. — 1921. — № 30; Новый Восток. — 1922. — № 1, — С. 154-183; Сов. Сибирь. — 1921. — 3 июля; 20 сент. и др.

Письма

№ 1.

1. Имя Бурдукова тогда было известно в Сибири и в Монголии и по его торговой деятельности и по многим корреспонденциям в газетах. "Об этом человеке я уже раньше слышал много хорошего", — писал позже Майский.

№ 2.

1. Письмо написано на заимке Бурдукова, который сам в это время находился в Улясугае.

2. Какие свои книги посылал Майский, точно неизвестно, но к этому времени были изданы: Ллойд Джордж (политическая характеристика). — Пг. 1916; Германия и война. — М. 1916; Политическая Германия. — М. 1917; В мире германского профессионального движения. — П. 1917.

3. Гробер Соломон Моисеевич — заведующий Прикозогольской конторой Центросоюза в м. Хатхыл.

4. За несколько дней до колчаковского переворота Майский собирался уехать из Омска в Иркутск, куда его приглашали работать в местной с.-д. газете "Дело". Возглавить экспедицию в Монголию Майскому предложил,

вероятно, зав. экономическим отделом Ирк. конторы Центросоюза П. П. Маслов.

5. Киселев Федор Емельянович, юрист Кобдоской к-ры Центросоюза, оказал ценные услуги экспедиции Майского при обследовании Кобдоского округа. Мясобюро — сокращенное название Распределительного бюро по мясным заготовкам в Восточной Сибири и Монголии Ирк. к-ры Центросоюза. Упомянутые телеграммы и письма требовали немедленного возвращения экспедиции. Майский отправил в Иркутск предварительные сведения, необходимые для закупки скота в Монголии, но добивался продления срока экспедиции для завершения ее расширенной программы.

№ 3.

1. Оказией были сотрудники Центросоюза А. И. Сартаков и И. Г. Салтыков.

2. ЦС — здесь и далее — Центросоюз.

3. Речь идет об издании книги Майского "Современная Монголия", в которой в 14 таблицах Приложений (128 с.) впервые приводились подлинные материалы переписи

населения и скота Автономной Монголии в 1918 г., о количестве населения и скота в духовном ведомстве; о количестве скота, принадлежащего князьям, ламам и монастырям (пер. с монгольского); население, плотность населения, возрастной состав, сословное деление; скот автономной Монголии в 1918 г. (окончательные итоги); примерный расчет прироста скота; бюджет типичных монгольских семей; Ежегодное потребление Монглии; курс доллара и рубля.

⁴. М.Д. — Михаил Дмитриевич Хомутов, двоюродный брат и ближайший друг А.В. Бурдукова, художник и всесторонне одаренный человек. Татьяна Георгиевна — жена Аркадия Алексеевича Чукреева, двоюродного брата А.В. Бурдукова, члена его товарищества, она в Хангельцыке готовила пищу для членов экспедиции.

⁵. Деятельность всех русских почтовых и телеграфных контор в Монголии тогда была фактически парализована, потому что правительство Колчака средства на их содержание высылало казначейскими билетами Сибирского Временного правительства или "керенками", которые в Монголии никто не признавал [9]. Благодаря содействию Майского содержание одной из почтово-телеграфных линий Хатхыл-Улясутай взяла на себя Ирк. к-ра Центросоюза.

№ 4.

¹. По просьбе Майского, вернувшегося из Монголии, Центросоюз выписал на декабрь 1920 г. 20 экз. иркутской газеты "Власть труда" в Троицкосавск, Ургу, Улясутай, Тунку, Монды, Хатхыл, Бийск-Кош-Агач для Кободской конторы (ГАИЛ. 1.2348, оп.1, д.270, л.13). Но в начале 1921 г. Бурдуков неоднократно просил Майского о высылке газет. "Примите все меры, чтобы здесь получалась газета, а то здесь совсем ничего нет из вестей", — писал он в одном письме и в другом от 1 февр. 1921 г.: "надо бы прислать в общественную библиотеку Улясутая по 1 экз. 2-3 газет. Если разделяете мое мнение, то устройте высылку газет" (Архив Бурдукова). Оказией, упомянутой Майским в письме, был Яков Христанович Фрейман, почтовый служащий, приехавший из Монголии в советский Иркутск хлопотать о материальной помощи почтовикам в Монголии, не получавшим жалованье более года [9]. И Бурдуков писал: "Почтовик Я.Х. Фрейман только на днях приехал из Иркутска и привез мне много советской литературы, газет и письмо от И.М. Майского" [1а]

². Книгу Майского "Современная Монголия" иллюстрировать тогда не удалось. 1 февраля 1921 г. Бурдуков писал ему: "Фотографии для книги теперь уже запоздают, но Миша (Хомутов — Е.Д.) посылает Вам рисунки типов, сколько оказалось готовых". Майский в книге (с. III) благодарил М.Д. Хомутова за "несколько удачно исполненных карандашом монгольских типов". Бурдуков просил книгу Майского отправить ему обязательно посылкой, а то погибнет. "Я слышал, что один экземпляр Вашей рукописи, переданный Ро-ву, погиб. Сюда приехал проф. Осендовский. Спрашивал у меня и просил дать ему для прочтения Вашу рукопись, но я ему сказал, что не имею в наличии" (Архив Бурдукова. Когда книга Майского вышла из печати, он выслал ее Бурдукову, другим лицам, а также В.И. Ленину с лаконичной надписью: "В.И. Ленину от автора. Н-Николаевск. 31.VIII.21".

Этому предшествовал такой эпизод. В "Известиях ВЦИК" 2 июня 1921 г. было опубликовано письмо В.И. Ленина: "Мне случилось в последнее время упоминать имя бывшего меньшевика И. Майского, который был министром при Колчаке. Тов. Майский в письме ко мне протестует против смещения его с Мартовыми и Черновыми и указывает, что он, Майский, теперь уже член РКП, и работает на советской должности в Омске в качестве заведующего экономическим отделом Сибревкома. Считаю долгом довести до сведения читающей публики это указание тов. Майского.

Н. Ленин. 1.VI. 1921 г." (Полн. собр. соч., т. 52, с. 242, 421, прим. 353).

³. Семья Ляховецких: отец-военврач в Красной Армии, мать — учительница, дети: Иван, Юлия, Валентина, Анатолий, Михаил.

⁴. Конторы Центросоюза в Ханге и Хатхыле (на севере и юге оз. Косогол) были разгромлены и разграблены белыми бандами Корюкова и Казагранди [1а, с. 168].

⁵. Юрганова Капитолина Васильевна, дочь русского поселенца в Уланирике в Монголии, окончила гимназию в Бийске, биологическое отделение Высших женских курсов в Петербурге; с 1911 г. занималась изучением Монголии. В 1915 г. вышла замуж за известного сибирского поэта и прозаика Г.А. Вяткина. В годы гражданской войны родители потеряли с ней связь, по их просьбе Бурдуков запросил о ней Майского, который бывал на заимке В.И. Юрганова и назвал ее хорошо поставленной. (Совр. Монголия. с. 90).

⁶. Административная коллегия Ирк. к-ры Центросоюза направила Бурдукову 3 письма:

1. "Милостивый государь Алексей Васильевич. И.М. Ляховецкий и А.И. Сартаков передали нам о Вашем желании и готовности работать в организации Центросоюза в Монголии. Цена Ваш опыт, знание дела и доверие, с которым к Вам относятся упомянутые лица, Иркутская контора Центросоюза со своей стороны охотно включает Вас в число своих ответственных сотрудников.

Председатель Административной коллегии Золотов".

2. "3.XII-1920 г. Иркутск. г. А.В. Бурдукову в Улясутае. Иркутская контора Центросоюза включает Вас в число ответственных сотрудников и возлагает на Вас заведывание агентурой в Улясутае".

3. "Зав. Улясутайской Агентурой А.В. Бурдукову. Предлагаем агентам Приемышеву и Власову сдать, а А.В. Бурдукову принять все ценности и товары, инвентарь и имущество Центросоюза, находящееся в Улясутае, 3 декабря 1920 г." (ГАИО, ф. 2348, оп. 1, д. 270, л. 69, 70).

⁷. "Монголистами" называли себя русские поселенцы в Монголии.

⁸. В.Г. Гей, ветврач Читинской противочумной станции, в 1912-1915 гг. производил противочумные прививки скоту в Прикосоголье; с 1915 г. — зам., а затем начальник Монгольской экспедиции по заготовке мяса для действующих армий (1915-1918); с 1920 г. — ветврач в Центросоюзе. В.И. Винтовкин — крупный иркутский торговец, закупал скот в Прикосоголье. Предположение Майского основано на донесениях контролеров Центросоюза Г.Н. Шур и др. о том, что Гей, получив документы Ирк. к-ры об оказании ему содействия всеми учреждениями Центросоюза и большую сумму в Троицкосавском хоз. пункте, "по выезде в Монголию променял ветеринарию на спекуляцию", оставил службу в Центросоюзе и в компании со Швецовым и др. "заялся безудержной спекуляцией". (ГАИО. Ф. 2348, оп. 1 д. 17, л. 122; д. 166: л. 24). И Бурдуков на основании своей беседы с Геом подтвердил, что тот закупал скот помимо Центросоюза, обещая цену выше центросоюзовской, призывал к тому же русских поселенцев, говоря, что к 15 авг. Советская власть в Сибири будет свергнута. [1а, с. 163-168].

⁹. В сентябре 1920 г. дипломатической миссии ДВР во главе с И.Л. Юриным в Пекине удалось добиться отказа Китая от признания дипломатической миссии бывш. царского посланника кн. Кудашева, а следовательно, и всех подчиненных ей консульств в Монголии. В октябре 1920 г. старые консулы А.А. Орлов, А.П. Хионин, А.А. Вальтер выехали из Урги, Кобдо, Улясутая в Китай. Отъезд старых консулов и отсутствие новых советских сделали беззащитными русских поселенцев. "Вся власть в Улясутае в руках китайцев и мы подчинены местным законам", —

писал Бурдуков Майскому 1 февр. 1921 г. Унгерновщина коренным образом нарушила экономическую жизнь Монголии и, конечно, также и работу Центросоюза. (Архив Бурдукова).

№ 5.

1. О драматических злоключениях Бурдукова при белогвардейцах, аресте его с семьей, угрозе расстрела, спасении их Хатан-батыром Максаржавом, поднявшим восстание против белых в Улясутае, содействии ему Бурдукова в установлении контакта с советскими властями Иркутска, о конфискации библиотеки Бурдукова белым офицером Вандановым, о гибели М. Д. Хомутова, А. А. Чукреева и других знакомых Майского см.: [1а, прим. 141]. 15 сент. 1921 г. Бурдуков с семьей прибыл в Хатхыл и был назначен заведующим Прико-согольским закупочным районом Ирк. к-ры Центросоюза, на присланные из Иркутска товары быстро организовал отправку скота в город. Семья Бурдукова поселилась в Иркутске, где часто зимой жил и бывал по делам он сам, дети учились в школе Центросоюза, а старшая дочь Таисия, свободно говорившая по-монгольски, изучала письменный монгольский язык у иркутского монголоведа В. С. Флоренсова. С Бурдуковыми жила и Татьяна Георгиевна Чукреева с детьми. Летом все приезжали в Хатхыл.

2. Майский привез в Москву в Госплан составленный Сибгоспланом с привлеченными учеными Томска и Омска первый народнохозяйственный план Сибири на 1922 г., с некоторыми поправками он был одобрен. В газете "Советская Сибирь" был опубликован этот план (1922, 11 янв.), а также серия статей Майского об экономической политике в Сибири: Восстановление промышленности; Интересный опыт; Удачный опыт; Удачный опыт продолжается; К вопросу о товарообмене; Итоги губпродсовещания; Продналоговая компания в Сибири; О хозяйстве Сибири; К моему критику. // Там же. 1921, 30 июня, 2 и 20 июля, 21 и 26 авг., 2 окт.; 1922, 19, 22, 27 февр. В Москве Майский встретился с зам. НКВД М. М. Литвиновым, знавшим его по лондонской эмиграции, и по рекомендации последнего был назначен ЦК РКП(б) заведующим отделом печати НКВД.

№ 6.

1. Мария Федоровна Нейбург свою первую научную экспедицию в Монголию совершила в 1916 г. из Томска по инициативе, на средства и при всестороннем содействии А. В. Бурдукова. Став геологом, неоднократно бывала в Монголии, неизменно пользуясь содействием Бурдукова.

2. И. М. Майский был первым редактором ж. "Звезда", старейшего после "Сибирских огней". Кроме двух №№ ж-ла с интереснейшими статьями, была послана и книга Майского "Современная Германия" (М. 1924).

3. В декабре 1923 г. — январе 1924 г. Бурдуков был в командировке в Москве, выступал в Восточной палате с докладом, по которому было принято решение возбудить ходатайство перед высшими органами об улучшении условий работы в Монголии: о снижении ж-д тарифа, цен на товары на 40%, о долгосрочном кредите на 12 месяцев, о разрешении вывоза серебра и др. Бурдуков вел переговоры с Акц.Т-вом "Шерсть" о работе в Монголии, но безрезультатно. В Москве Бурдуков написал статью "Транспорт и транзит в торговле с Монголией" (опублик. в ж. "Союз потребителей", М., — 1924, — № 4, С. 57-59) и тезисы "Торговля с Монголией" (ГАИО, ф. 2348, оп. 1, д. 754, л. 1-12), позже использованные в двух его статьях "Сибирь и Монголия" ("Жизнь Сибири", — 1926, — № 9 и "Сиб. огни", — 1928, — № 2). В них содержатся сведения и о деятельности Центросоюза в Монголии.

4. И. М. Майский имеет большие заслуги в пропаганде идей кооперации в Монголии: в 1919-1920 г. он издал в Урге

на монгольском языке брошюру о сущности и деятельности Центросоюза. Делегация Монгольской народной партии, прибывшая в Иркутск в авг. 1920 г., в письме правительству РСФСР просила содействия в создании монгольской кооперации, установления прочных связей и товарообмена ее с кооперацией России, создания предприятий по переработке местного сырья. После революции 1921 г. был создан Монценкооп (Монгольский Центральный кооператив), Иркутская контора Центросоюза установила с ним торговые связи, реконструировала кожзавод в Алан-Булаке, перестроила пароход "Монгол" на Косоголе и т. п. (ГАИО, ф. 2348, оп. 1, д. 746, л. 1-10). Бурдуков писал В. Л. Котвичу 22 янв. 1928 г.: "Монгольская кооперация покрыла всю страну, в 1926-1927 гг. охватила почти 25% всей экономики страны, оборот ее достиг 8-9 млн. мексиканских долларов" [1а, с. 293].

5. Михаил Нилович Золотов — бывш. председатель Административной коллегии Ирк. к-ры Центросоюза, затем зам. зав. Монгольской конторой Сибкрайсоюза (так была переименована в феврале 1924 г. Ирк. к-ра Центросоюза), позже работал в Москве.

№ 7.

1. И. М. Майский в 1927-1928 гг. был советником полпредства СССР в Японии.

№ 8.

1. Полпредом в Финляндии Майский был в 1929-1932 гг. Бурдуков с начала 1927 г. жил в Ленинграде, преподавал монгольский разговорный язык в Институте живых восточных языков.

№ 9.

1. Бурдуков собирал материалы — новинки монголоведения для Майского, который дополнял и уточнял свою книгу "Современная Монголия". И позже, когда Майский был полпредом в Лондоне, Бурдуков высылал ему через сотрудника НКВД новинки монголоведения. Так, в письме от 28 марта 1935 г. он писал Майскому: "...Из книг, согласно Вашего пожелания, вначале послал Владимирцова "Общественный строй монголов". Потом из Иркутска получил книгу Н. Н. Козьмина "К вопросу о турецко-монгольском феодализме". Дополнил еще интересной книгой о Туве Р. М. Кабо "Очерки истории и экономики Тувы". Потом по получении из Астрахани послал книгу Пальмова "Этюды по истории приволжских калмыков"... Все книги посылал через Василия Федоровича, надеюсь, что Вы их получили своевременно... Когда можно ожидать Вашу книгу о Монголии?" (Архив Бурдукова).

№ 10.

1. По заказу Монгольского центрального кооператива Бурдуков в 1929-1930 гг. составил "Разговорник монгольского языка" (10 п. л.) и "Русско-монгольский словарь разговорного языка" (16,5 п. л.), они были изданы ЛВИ в 1935 г. Майский прислал Бурдукову калмыцко-немецкий словарь Г. И. Рамстедта, известного финского монголоведа, в 1936 г. со своей дарственной надписью. 16 июня 1936 г. Бурдуков писал Майскому: "От всей души благодарю Вас за эту ценную для нас с дочерью (Таисией Алексеевной — Е. Д.) книгу. Нам как калмыковедам и монголоведам она нужна повседневно, тем более, что мы занимаемся составлением словарей". В этом же письме он писал: "по словам А. Д. Калининкова Вам нужен для просмотра журнал "Современная Монголия" за 1934-1935 гг., который он Вам послать не может и об этом сообщил мне. Летние месяцы я буду занят другими делами, поэтому посылаю Вам на лето свой экземпляр (который, очевидно, единственный в Ленинграде полный), переплетенный в одну книгу, за 1934 г. В экземпляре за 1935 г. почта потеряла один номер, ищу его усиленно, вероятно, найду у кого-нибудь и пошлю на днях полный экземпляр за 1935 г. и первые номера за 1936 г." В письме от 24 окт. 1937 г. Бурдуков спрашивал

Майского: "Вы свою книгу, очевидно, продолжаете дополнять? Когда же все-таки сделаете ее всеобщим достоянием?" (Архив Бурдукова). Майский в 1930-х-1940-х гг. был занят ответственной дипломатической работой. Второе переработанное издание книги Майского "Монголия накануне революции" появилось в 1959 г. В упомянутом письме, написанном по просьбе А.Д.Каллиникова, бывшего помощника Майского в монгольской экспедиции, жившего вместе с ним на заимке Бурдукова, а в 30-х гг. уже ставшего известным историком-монголоведом, Алексей Васильевич сообщал Майскому о тяжелой болезни и смерти Каллиникова 26 сентября 1937 г. (в литературе встречается ошибочная дата его смерти — 1940 г.).

². Агния Александровна — жена И.М. Майского, по поручению ИМЭЛ собирала материалы о выдающихся

эмигрантах, живших в Англии: К.Марксе, Ф.Энгельсе, В.И.Ленине, С.М.Степняке-Кравчинском и др. Умная, высоко образованная, общительная она оказывала большую помощь Майскому в необходимых неофициальных связях посла со многими государственными, общественными деятелями, представителями печати, науки, культуры, В своих "Воспоминаниях советского посла" Иван Михайлович писал: "Мне хочется здесь сказать спасибо моей жене, которая во многом облегчила мне выполнение моих обязанностей посла" и эту свою книгу он посвятил "моему лучшему другу и верному товарищу, моей жене Агнии Александровне Майской" [6, — кн. 1. — ч. 2. — С. 280; Кн. 2, — С. 134- 140].

³. Какая книга Майского находилась тогда в печати нам установить не удалось.

Литература

1. Майский И.М. Монголия накануне революции. М., 1959.
2. Майский И.М. Мое знакомство с А.В.Бурдуковым // Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. Воспоминания. Письма. — М., 1969, — С.22-25.
3. Бурдукова Т.А. А.В.Бурдуков (биография)// Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии, [2].
4. Даревская Е.М. Алексей Васильевич Бурдуков (о роли русских поселенцев в изучении Монголии)//Очерки по истории русского востоковедения. — М. 1963, —В.6.
5. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. —М. 1923.
6. Майский И.М. Воспоминания советского посла. — М. 1964. — Кн. 1.
7. Волконский С.М. Мои воспоминания. — М., 1992. Т. 1, 2.
8. Турков А. Дверь приоткрыта: входи! // Известия. — 1992. — 4 июня.
9. Даревская Е.М. Из жизни русской колонии в Монголии в годы гражданской войны // Тр. Иркутского университета. — 1970. — Т.59. — С. 132.